

-
1. *Азбелев С. Н.* Современные устные рассказы // Русский фольклор: проблемы современного народного творчества. М., 1964. Т. 9. С. 133–177.
 2. *Аникин В. П.* Художественное творчество в жанрах несказочной прозы // Русский фольклор. Л., 1972. Т. 13 : Русская народная проза. С. 8–37.
 3. *Антропов И. Я.* Были Ирбита. Ирбит, 1992.
 4. *Бараг Л. Г.* Об устных рассказах, записанных в последние годы // Русский фольклор. Т. 13. С. 139–147.
 5. *Гончарова А. В.* Устные рассказы Великой Отечественной войны // Там же. С. 122–138.
 6. *Зуева Т. В.* Меморат // Русский фольклор : словарь-справочник : кн. для учителя. М., 2002.
 7. *Лосев А. Ф.* Две необходимые предпосылки для построения истории эстетики до возникновения эстетики в качестве самостоятельной дисциплины // Эстетика и жизнь. М., 1979. Вып. 6. С. 221–238.
 8. *Пропп В. Я.* Принципы классификации фольклорных жанров // Фольклор и действительность : избр. ст. М., 1976. С. 34–54.
 9. Русское народное поэтическое творчество : пособие для вузов. М., 1956.
 10. *Чистов К. В.* К вопросу о принципах классификации жанров устной народной прозы // Фольклор. Текст. Традиция. М., 2005.
 11. *Шеваренкова Ю. М.* Легенды-былички как жанровая разновидность фольклорной легенды // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2003. № 1. С. 52–57.

Т. О. Санникова

г. Воткинск

Деревянное зодчество в русском фольклоре Удмуртии

Фольклор, как и в целом сфера искусства, отражает окружающий мир, его особенности, устремления, проблемы, горести и радости. Территория современной Удмуртии на протяжении многих веков, и особенно интенсивно с XVII по XIX в., осваивалась русскими переселенцами, стремящимися сохранить общественные устои, традиции, собственную

национальную идентичность. Более полнокровно и длительно традиционность проявилась в фольклоре и народной деревянной архитектуре.

Сохраняя преемственность общерусских традиций, русское население Удмуртии (Вятской губернии) одновременно создавало свой особенный материальный и духовный мир. Представляется интересным сопоставление этих двух миров на примере отображения в русском фольклоре Удмуртии особенностей деревянной архитектуры. Какие элементы чаще становились предметом поэтических образов, какие черты присутствовали в характеристике деревянного дома — через ответы на данные вопросы более объемным предстает мир уральской культуры.

«Под песни рубятся из сосновых бревен избы по всей Руси. Под песни мечутся из рук в руки кирпичи, и как грибы вырастают города. Под песни баб пеленается, женится и хоронится русский человек», — замечал Н. В. Гоголь. Любопытно посмотреть, как потом эти построенные из сосновых, и не только, бревен избы и их деревянные детали находили отражение в песнях, присказках, сказках.

«Уральская изба отличается от изб средней и северной зон. Вход располагается, как правило, со стороны двора, вокруг которого группируются конюшни, амбары и другие хозяйственные постройки. Двор, частично крытый, соединен с улицей большими воротами и калиткой» [1, с. 253]. Наличие большого двора и хозяйственных построек объяснялось образом жизни рабочих, которые, помимо заводского производства, вынуждены были заниматься сельским хозяйством. Отсюда близость к типу крестьянских построек. Как отмечает А. И. Лазарев, тип устройства двора уральского дома «восходит к среднерусскому. Сплошное покрытие дворов навесом из теса, наблюдавшееся в некоторых местах (в селе Кержанец Нижегородской губернии, откуда этот способ устройства двора и был перенесен на Урал), стало в заводских поселках почти повсеместным» [3, с. 71]. «Строили по-русски, жили по-уральски» — так и назвал одну из глав своей книги А. И. Лазарев.

Принципы деревянного строительства, складывавшиеся столетиями, приводили к выработке общего облика русского деревянного дома. В сказке «Два Ивана» это очень хорошо обыгрывается:

Вот они рано утром запрягли лошадей и поехали. Ванька говорит: «Деревня-то вроде наша!» А другой Ванька отвечает: «Деревня на деревню походит».

Едут дальше: «Вань, баня-то вроде наша!» — опять кличет братец. — «А баня на баню тоже походит» [4, с. 89].

Несмотря на схожесть, дом воспринимался индивидуально не только в силу каких-то строительных особенностей или декоративных элементов, но и в силу знакомства с его жителями. Любой дом — это отражение личности его хозяина, поэтому не случайно в песнях, частушках при восприятии дома возникает образ живущего в нем, чаще любимого человека:

По деревне я иду,
Тихохонько шагаю,
На миленин дом гляжу,
Тяжело вздыхаю [4, с. 310].

У миленочка избеночка,
Не дом, так и не дом.
Кабы я была не дурочка,
Не плакала б о нем [Там же, с. 322].

У миленочка избеночка
Мочаленная.
Я така же по миленочку –
Отчаянная [Там же].

С неба звездочка упала
На сарайчик тесовой.
Возьми, миленький, колечко
И платочек носовой [Там же, с. 254].

Тесом называли доски, которые получали из бревен путем их раскалывания пополам и последующего обтесывания. Такие доски во внешнем оформлении дома выполняли кровельную функцию, т. е. из них формировалась крыша дома. Тесаные доски были более практичны в строительстве, так как меньше поддавались гниению, чем пиленые. Пила вплоть до XVIII–XIX вв. почти не применялась. В XIX–XX вв. пиленые доски используются для кровли (их также продолжали называть тесом, в силу сложившейся традиции) и обшивки дома.

Один из частых элементов деревянной усадьбы, который фигурирует в русском фольклоре Удмуртии, — ворота. Здесь, на границе двух миров, внутреннего и внешнего, происходили встречи, проводы, важные события, которые были видны всем и потому обсуждаемы, пропеваемы:

Обещался мой милый друг
Вечер в гости быти,
...Я тесовые ворота
Велю растворити [Там же, с. 155].

У ворот было, у ворот,
У ворот было, у ворот да у придво-
Ой у придворного столба [4, с. 176].

У придворного столба,
У придворного столба,
У придворного столба да стоит де-
Ой, стоит девица одна [Там же, с. 181].

За воротами — сам дом:

Ты позволь, позволь, хозяин,
Нам по горенке пройти,
Ай-люли, ай-люли,
Нам по горенке пройти [Там же].

В данном случае под горницей (уменьшительное *горенка*) имеется в виду чистая часть избы. Горенкой называли и светлицу, т. е. верхнюю часть дома, где по традиции проводило время женское население дома:

Хорошо село светится,
Хорошо в светлице жить,
Коли дали разрешение
Мне студента полюбить [Там же, с. 311].

Уж я золото хороню, хороню,
Чисто серебро похораниваю,
Я у батюшки в терему, в терему да
Я у матушки высоким высоко [2, с. 27].

Во горнице, во светлице
Две добры жены сидят,
Две добры жены сидят,
Они хлеб-соль едят, да [Там же, с. 30].

Прилетел тут млад ясен сокол-затейничек,
Он садился под окошечком
На серебряну причелинку [4, с. 59].

Во горенке лаповой, лаповой
Стоял столик кедровой, кедровой,
На нем чайник золотой, золотой,
Полон чаю налитой, налитой [2, с. 14].

В последнем примере, взятом из свадебной песни «Во горенке лаповой», четко фиксируется материал, применяемый при строительстве дома

(лаповая — срубленная из ели) и при изготовлении мебели (кедровый столик).

О деревянном материале, используемом во внутреннем оформлении дома, есть строчки и в другой свадебной песне:

Чуть резвы ноженьки переволок,
Упер дружка глаза в потолок.
Пол кленовый, потолок дубовый,
Брусья — одни сучья [4, с. 53].

В обращении же к хозяевам:

Позвольте нашим лошадушкам
Сено по колено,
Овса до матки... [Там же],

видим упоминание матицы — главной потолочной балки дома.

Как показывает знакомство с русским фольклором Удмуртии, определенные элементы деревянного дома, находившие в нем отражение, являются либо характерными по структуре, либо (что чаще) занимают важное место в социальной жизни (ворота дома, горница).

1. *Власюк А. И. О своеобразии архитектуры русских провинциальных городов в 1840-е — 1910-е годы // Памятники русской архитектуры и монументального зодчества. М., 1983.*

2. Гусельцы: русский музыкальный фольклор родины П. И. Чайковского / сост. Л. В. Аншакова, Б. В. Квакин. Воткинск, 2005.

3. *Лазарев А. И. Поэтическая летопись заводов Урала. Челябинск, 1972.*

4. Русский фольклор Удмуртии / сост., предисл., вступ. ст., примеч. А. Г. Татаринцева. Ижевск, 1990.